

И. КАЗЛАУСКАС

ИМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ УДАРЕНИЯ ГЛАГОЛА

В литовском языке широко развито образование новых имен существительных или прилагательных от глаголов и других частей речи при помощи суффиксов, совпадающих с именными окончаниями именительного падежа, ср. *-a*, *-as*, *-is*, *-ys*, *-ė*, *-ius* и др.; ср., например, *išdaga* „išdegusi vieta“ (: *išdėgti*), *įrašas* (: *įrašyti*) и т. д. При данном образовании в качестве вспомогательных словообразовательных средств теперь нередко используются чередование гласных, метатония и изменение места ударения. Большинство имен этого рода образуются от глаголов, причем гораздо продуктивнее теперь является образование от приставочных глаголов, чем от бесприставочных¹. Продуктивным этот тип словообразования является и в латышском языке, ср. лат. *īēnaši* „īnašos“ (: *ienest*), *nūopelnš* „nuopelnas“ (: *nūopelnīt*) и т. д. Известен он был и прусскому языку, ср., например, прусс. *passalis* V 57 „Frost“ и лит. *pašálti*. Для реконструкции ударения приставочных глаголов литовского языка указанные образования представляют определенный интерес. Это обстоятельство заставляет нас более подробно проанализировать некоторые словообразовательные моменты таких имен, а также их ударение.

¹ О данном образовании слов в современном литовском языке см. V. Urbutis, *Dabartinės lietuvių kalbos galūnių darybos daiktavardžiai*, „Kalbotyra“, III, Vilnius, 1961. По подсчетам В. Урбутиса, в литовском литературном языке более чем 4/5 такого рода имен образованы от глаголов, а образование от приставочных глаголов в два или три раза продуктивнее, чем от бесприставочных.

Основной материал для нашей статьи собран из следующих источников: *Lietuvių kalbos žodynas*, I–VI, Vilnius, 1941–1962 (далее – LKŽ); *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, Vilnius, 1954; K. Mühlenbach, *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, I–IV, Riga, 1923–1932; J. Endzelin, E. Hauzenberg, *Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch*, I–II, Riga, 1934–1946. Ввиду однообразности материала в статье представлена только незначительная его часть.

1. Образования от глаголов, имеющих приставку *iš-*. Приставочный элемент² данных образований почти всегда совпадает с приставкой глагола *iš-* и с предлогом *iš*, ср. *išdaga* (: *išdēgti*), *išdvasa* „dvēseliena“ (: *išdvēsti*), *išbrada* „sekluma“ (: *išbristi*), *iškalba* (: *iškalbēti*), *išlakos* „lengvi, prasti grūdai“ (: *išlēkti*) и т. д. Довольно распространены эти образования в латышском языке: *izbārstas* „išbarstos“ (: *izbārs-tīt* „išbars-tyti“); *izbiras* „išbiros“ (: *izbirt* „išbirti“), *izdēga* „išdaga“ (: *izdegt* „išdegti“), *izeja* „išējimas“ (: *izeit* „išeiti“), *izēdas* „išēdos“ (: *izēst* „išēsti“) и т. д. Ср. суффиксальные образования прусского языка, представленные вин. пад. ед. ч. *ispresnā* „Vernunft“ (: *issprestun* „verstehen“), вин. пад. ед. ч. *isrankīsnan* „Erlösung“ (: *isrankīt* „erlösen“).

В говорах литовского языка иногда встречаются именные образования, имеющие приставочный элемент *iš-*: *ýšgastis* „išgastis“ (: *išsigāsti*), *ýšjuoka* „išjuoka“ (: *išjuōkti*), *ýštaka* (: *ištekėti*) и др., ср. еще некоторые явно отыменные образования *ýšsūnis* „netikras sūnus“ (: *sūnūs*), *ýšpiečiai* „išpiečiai“ (: *piētūs*), *ýšdukerė* „netikra duktė“ (: *duktė*), *ýšdukra* (: *dukrà*).

По ударению эти образования очень часто принадлежат к неподвижной парадигме. Однако и в литературном языке, и особенно в говорах, нередко встречается и подвижная парадигма, причем некоторые из них даже в одном и том же говоре могут одновременно принадлежать и к неподвижной, и к подвижной парадигме, ср. *iškalba* и *iškalbà*, *iškyla* и *iškylà*, *išgena* „kelias, kur varomi gyvuliai į ganyklą“ и *išgenà*, *išdaga* и *išdagà*, *išbėgis* „bėgsena, sugebėjimas bėgti“ и *išbėgỹs*, *išara* и *išarà* и т. д.

2. Образования от глаголов, имеющих приставку *per-*. Как правило, приставочным элементом является *pér-*, формально совпадающий с глагольной приставкой *pér-* и отличающийся от предлога только интонацией, ср. *pér-* и *peĩ*. Примеры: *pértvara* „pervėrimas“ (: *pértverti*), *pėrkolas* „užtvara žuvims gaudyti“ (: *pėrkalti*), *pėrsvara* (: *pėrsverti*), *pėrmaina* (: *pėrmaintyti*), *pėrpykis* (: *pėrpykti*) и т. д. В говорах имеется приставочный элемент *pār-*, совпадающий с глагольной приставкой *pār-* тех же говоров (жемайты). В латышском языке данные образования также имеют приставочный элемент *pār-*, совпадающий с глагольной приставкой *pār-*, ср. *pārmaina* „die Abwechslung“ (: *pārmainīt*), *pārplūdi* „die Flut“ (: *pārplūst*), *pārsvars* „die Übergewicht“ (: *pārsvėrt*) и др. По интонации они совпадают с соответствующими литовскими образованиями.

² Приставочным элементом в настоящей статье называется та часть отглагольного образования, которая соответствует приставке глагола. Необходимость отличать приставочный элемент от приставки диктуется тем, что он не является основным средством словообразования, тогда как приставка выполняет именно эту роль.

В говорах литовского языка встречаются образования с приставочным элементом *peř-* (*pař-* в жемайтских), отличающимся своей интонацией от глагольной приставки *pér-* (*pár-*), ср. *peřkasas* (: *pérkasti*), *pařkasas* (: *párkasti*), *peřkarè* „marškinių apykaklė“ (: *pérkarti*), *peřmatas*, *peřmetas* „prietaisas vėgėlėms gaudyti“ (: *pėrmesti*), *peřmėtis* „kreklus sustiprinąs skersinis“ (: *pėrmesti*), *peřmušas* „vieta, kur upė keičia vagą“ (: *pėrmušti*), *pařpinas* „medinio krepšio lankeliai“ (: *párpinti*), *peřkandas* „užkanda“ (: *pėrkasti*), *peřkolas* „prietaisas žuvims gaudyti“ (: *pėrkalti*), *peřkiša* „tam tikras perkištas pagalys“ (: *pėrkišti*) и др. Семантическая специализация и в связи с этим оторванность данных образований от исходных слов, по-видимому, способствовали сохранению более древнего состояния интонации приставочного элемента, т. е. тому, что он не подвергся влиянию интонации приставки исходных слов.

По ударению они почти всегда относятся к неподвижной парадигме.

3. Образования от глаголов, имеющих приставку *añt-*. Они, как и соответствующий предлог *añt*, существуют только в литовском языке. Приставочный элемент нередко отличается интонацией от соответствующей глагольной приставки, ср. *ámpilas* „kaupas, kurkulas“ (: *antpilti*), *ántkrytis* (: *antkristi*), *ántauga* (: *ántaugti*), *ámpuolis* (< **an|t|puolis*) „darbų susispyrimas“ (: *antpùlti*) и др., но нередко интонация глагольной приставки остается неизменной, ср. *añpalas* (< **an|t|palas*) „sušalęs viršum ledo užėjęs vanduo“ (: *antpilti*), *añšalas* (: *antšálti*) и др. В говорах замечается сильное колебание между акутированной и циркумфлектированной интонацией приставочного элемента, ср. *ántkrytis* и *añtkrytis*, *ántpilas* и *añtpilas*, *ántšalas* и *añšalas*, *ántvožas* и *añtvožas* (ср. также отыменные образования: *ántežis* и *añtežis*, *ántgriovis* и *añtgriovis*, *ántkapis* и *añtkapis* и т. д.). Как видно, в данном случае приходится считаться с двумя способами образования: с метатонией приставки и без метатонии. Так как соответствующей приставкой и предлогом является *añt* с циркумфлексом, именные образования с *ánt-* приходится считать более древним пластом.

Редко встречается приставочный элемент *antã-*, ср. *antãpalas* „ampralas“ (ср. также отыменные образования *antãvagė* „viršuvagė“ (: *vagà*), *Antãkalnis* (: *kálnas*) и др. и предлог *antã*).

4. Образования от глаголов, имеющих приставку *su-*. Приставочный элемент довольно редко совпадает с глагольной приставкой *sù-*, ср. *sùtemos* или *sutemà* (: *sutémti*) и др., причем встречается приставочный элемент *sú-*, ср. *sútemos*, или *súo-*, ср. *súokalbis* (: *sukalbėti*). Чаще всего глагольной приставке *su-* в отглагольных образованиях соответствует приставочный элемент *sán-* (> *sá-*, *sán-*, *sám-*), ср. *sálaida*

„suleidimo vieta“ (: *suléisti*), *sąsūka* „kelio posūkis“ (: *susūkti*), *sántara* „sutarimas“ (: *sutaŗti*), *sántūra* „susiturėjimas“ (: *suturėti*) и др. Интересно отметить, что последний приставочный элемент всегда имеет акутированную интонацию. В латышском языке тоже встречаются образования данного типа с приставочным элементом *suo-*, ср. *sūomazgas* „pamazgos, Spūlicht“ (: *samazgāt*), *sūodara* или *sūodara* „sandara“ (: *sadarīt*) и др.³, однако продуктивными здесь являются образования с приставочным элементом *sa-*, соответствующим глагольной приставке *sa-*, ср. *sabārstas* „ein Gemisch aus Kornnachbleibseln verschiedener Art, Mangkorn“ (: *sabārstīt*), *sabiras* „Zusammengefügtes, Überbleibsel“ (: *sabiŗt*), *samazgas* „pamazgos“ (: *samazgāt*) и т. д. Приставочный элемент *suo-* в латышском языке, как и в литовском *sán-*, всегда имеет акутированную интонацию (прерывистую или плавную). Явные отглагольные образования с приставочным элементом *sen-* или *san-*, соответствующим предлогам *san*, *sen*, в прусском языке из-за скудности материала не обнаружены.

По ударению в литовском языке эти образования чаще всего относятся к неподвижной парадигме, хотя встречаются случаи и подвижной, ср. *sqnarỹs*; *sąrašas*, *-aĩ* и др.

5. Образования от глаголов с приставкой *nu-*. В настоящем времени во всех аукштайтских говорах литовского языка приставочным элементом данных образований является *nũo-*, который отличается от глагольной приставки *nũ-*, ср. *nũoauga* „skaudulys, atauga“ (: *nũaugti*), *nũolaida* (: *nũléisti*), *nũoslũgis* „nusekimas“ (: *nũslũgti*), *nũomygis* „pirmas miegas“ (: *numĩgti*) и т. д. В латышском языке приставочным элементом является *nũo-*, ср. *nũobara*, *nũobars* „Getreideabfalle“ (: *nũobėrt*), *nũodaļa* „die Abteilung, das Abgeteilte“ (: *nũodalīt*), *nũokasas* „das Abschabsel, Abgeschabtes“ (: *nũokast* „abschaben“); *nũopėl̃ns* „der Verdienst, das Verdienst“ (: *nũopėlnĩt*), *nũomidzis* „der Schlaf“ (: *nũomĩgt* „fest einschlafen“) и др. В прусском языке, возможно, образованиями данного рода являются *nomaytis* V 684 „verschnittenes männliches Schwein“ (: ср. лит. *misti* или прусс. (*is*)*maitint*), *nolingo* V 453 „czogel, Zügel“ (: ср. лат. *lĩguot* „schaukeln“). И в литовском, и в латышском языках приставочный элемент *nuo-* имеет акутированную интонацию. Встречающаяся в латышском циркумфлектированная интонация данного элемента вызвана влиянием глагольной приставки, ср. *nũobiras* „der Abfall Heu oder Klee“ (: *nũobiŗt*), *nũojauta* „die Empfindung, das Gefühl“ (: *nũojaust*).

³ J. Endzelĩns, *Latviešu valodas gramatika* (далее — LVG), Rĩgā, 1951, 685 и след.

В литовском языке эти образования, как правило, относятся к неподвижной акцентной парадигме с ударением на приставочном элементе.

6. Образования от глаголов, имеющих приставку *pri-*. Приставочным элементом данных образований в литовском языке обычно является *prie-*, ср. *priekaba* (: *prikabinti*), *priemaiša* (: *primaišyti*), *priesvylos* „sviltenos“ (: *prisvilkti*) и т. д. Лат. *prieda* „priedas“ соответствует лит. диал. *priedas* (: *pridėti*). Обычно в латышском языке в функции литовского приставочного элемента *prie-* выступает *pie-*, соответствующий глагольной приставке *pie-*, которая, по-видимому, вытеснила приставку *prie*⁴, ср. *piebars* „das Dazugemengte, Ersatz, Surrogat“ (: *piebērt* „hinzuschütten, wellschütten“), *pietēka* „der Zufluss“ (: *pietecēt*) и др. Встречающиеся отглагольные образования с приставочным элементом *pie-* с циркумфлексированной интонацией, ср. *pielīpi* „was angeklebt ist“ (: *pielipt* „ankleben“), *piezīme* „die Bemerkung“ (: *piezīmēt*), возникли под влиянием глагольной приставки *pie-*. В прусском языке отглагольным образованием несомненно является *preicalis* (~ лит. *priekalas*), ср. лит. *prikálti*.

В литовском языке данные образования, как правило, принадлежат к неподвижной акцентной парадигме.

7. Образования от глаголов, имеющих приставку *pra-*. Приставочный элемент очень часто совпадает с глагольной приставкой *pra-*, ср. *prādaras*, -à „atdaras“ (: *pradarýti*), *praeitis* (: *praeīti*), *prākasas* „griovys, perkasas“ (: *prakàsti*) и т. д. Однако имеется и приставочный элемент *pró-*, ср. *prómuša* „reta vieta audinyje“ (: *pramūšti*), *prótaka* „vandens pratekėjimo vieta“ (: *pratekėti*), *próskyna* „praskinta, iškirsta vieta miške“ (: *praskinti*), *prótėkis* „skylė, kur teka vanduo“ (: *pratekėti*) и др. В латышском языке, за исключением нескольких, возможно, реликтовых образований типа *pragars* „besotis“, образований данного типа нет, так как нет здесь и глаголов с приставкой *pra-*. В прусском языке наряду с глагольной приставкой *pra-* (*pro-*) имеются и отглагольные суффиксальные образования с приставочным элементом *pra-*, *prā-*, ср. *prābutskas* „ewig“ (: ср. лит. *prabūti*), *pracartis* „Trog“, (ср. лит. *prākartas* „Krippe, Korb“ и *prakīrsti*), вин. пад. ед. ч. *prakāisnan* „prakaitas“ (: ср. лит. *prakaīsti*).

Прусс. *prā-*, возможно, отражает лит. *pró-*. Имея в виду то, что лит. *pró-* в отглагольных образованиях по форме ближе к предлогу *prõ*, можно полагать, что образования с приставочным элементом *pro-* представляют более древний пласт образований, чем образования с *pra-*. Таким образом, здесь приходится считаться с двумя пластами образований

⁴ J. Endzelīns, LVG 679.

различного хронологического порядка. В связи с этим интересно отметить, что более древний пласт с *pro-* чаще всего относится к неподвижной акцентной парадигме, тогда как более поздний пласт с *pra-* часто имеет подвижную парадигму, хотя и последние образования могут относиться к неподвижной, ср. *prāsukas*, *prāmōnē* и др. Неподвижность или подвижность ударения зависит и от говора, ср. *prādaras*, *-ai* и *prādaras*, *-ai*; *prākasas*, *-ai* и *prākasas*, *-ai* и др.

8. Образования от глаголов, имеющих приставку *pa-*. Приставочный элемент данных образований очень часто совпадает с глагольной приставкой *pa-*, ср. *pabaigà* (: *pabaigti*), *pābraukos*, *pābrukos* „nuobrukos“ (: *pabrūkti*), *pādaras* (: *pada'yti*) и т. д. Однако имеется и приставочный элемент *pó-*, отличающийся от глагольной приставки *pa-*, ср. *póbēgis* „bēgimas“ (: *pabēgti*), *pódūkis* „padūkimas“ (: *padūkti*), *póelgis* (: *pa-sielgti*), *pógymis* „charakteris, būdas“ (: *pagimti*) и др. В латышском языке все отглагольные образования имеют приставочный элемент *pa-*, ср. *paaugas* „Zuwachs“ (: *paūgt* „ein wenig wachsen, erwachsen“), *pabeiga* „die Beendung“ (: *pabēigt*), *pābiras* „pabiros“ (: *pabiŗt*) и др., за исключением, может быть, *pāsaga*⁵ „das Märchen“ (ср. лит. *pāsaka*). В прусском языке отглагольные образования могут иметь приставочный элемент *pa-* и *po-* в связи с тем, что и глагольными приставками здесь являются *pa-* и *po-*, ср. *pallaips* „Gebot“ (ср. лит. *paliŗpti*), *pamatis* V 146 „Fußsohle“ (ср. лит. *pāmatas*, лат. *pamats* „Fundament, Grund“ и лит. *pamēsti*), *passalis* „Frost“ (ср. лит. *pašálti*) и др., вин. пад. ед. ч. *podingan* „Lust, Gefallen“ (: *podingai* „gefalle“), вин. пад. ед. ч. *pogalban* „Gehülfe“ (~ лит. *pagálba* : *pagélbēti*) и др.⁵

Как видно из изложенного материала, в литовском языке приставочным элементом отглагольных образований выступают *pa-* и *po-*. По-видимому, и в данном случае приходится считаться с двумя различными пластами образований хронологического порядка. Так как приставочный элемент *pó-* по форме ближе к предлогу *põ*, чем *pa-*, то образование с *po-* следует считать более древней моделью, чем с *pa-*. Образования с *po-* почти исключительно представляют неподвижную акцентную парадигму, тогда как образования с *pa-* чаще всего относятся к подвижной. В зависимости от говора одни и те же образования дают колебания в этом отношении.

9. Образования от глаголов, имеющих приставку *i-*, *in-*. Приставочный элемент, как правило, отличается от глагольной приставки *i-* или *in-* акутированной интонацией, ср. *idūbis* „idubimas“ (: *idub-*

⁵ Я. Эндзелин прусс. *po* считает новообразованием, возникшим под влиянием *po*, см. J. Endzelin, *Altpreussische Grammatik*, Riga, 1944, 146.

ti), *idūžis* „*idužimas*“ (: *idūžti*), *igaidas* „*igeidis*“ (: *igeisti*, пр. вр. *įgeidė*), *indėlis* (: *indėti*), *itmpas*, *itmpa* „*itmpimas*“ (: *iteĩpti*, пр. вр. *ĩtempė*) и др. Однако нередко, особенно в говорах, встречается и циркумфлектированная интонация приставочного элемента, ср. *idagas* и *ĩdagas*, *idaras* и *ĩdaras*, *indėlis* и *ĩndėlis*, *ingeida* и *ĩngeida*, *ĩšalas* и *ĩĩšalas*, *itmpas* и *ĩtmpas*, *itvaras* и *ĩtvaras*, *ivada* и *ĩvada*, *ĩĩtakas*, *ĩĩdas*, *ĩĩtaisas* и др. Циркумфлекс в данном случае легко объяснить более поздним влиянием глагольной приставки *ĩ-*, *ĩĩ-* и предлога *ĩ*, *ĩĩ*, так как и глагольная приставка в случае ударности, и предлог имеют только циркумфлектированную интонацию. На это указывает и колебание интонации приставочного элемента в зависимости от говора. Первичность акутированной интонации данного элемента подтверждает и латышский язык, где этот тип образования довольно широко распространен, ср. *iēlīks* „ein wenig krumm“ (: *iēlīkt* „sich einbiegen“), *iēlūcks*, *iēlūcka* „Einschlag an Kleidern“ (: *iēlūcīt*), *iēnaši* „inašos“ (: *iēnest*) и др.; ср. нисходящую интонацию глагольной приставки *ie-* (= лит. *ĩĩ-*). Явные отглагольные образования в прусском языке от приставочных глаголов с *en-* не зафиксированы.

В литовском языке данные образования нередко относятся к неподвижной акцентной парадигме, однако довольно часто в говорах они относятся к подвижной, причем ударение их часто дает колебание в зависимости от говора, ср. *indėlis*, *ĩĩndėlis* (1) и *indėlỹs* (3^b), *iduba* и *idubà* и др.

10. Образования от глаголов, имеющих приставку *ap-* (*apĩ-*). Приставочный элемент данных образований очень часто совпадает с глагольной приставкой *ap-*, ср. *āpavas* (: *apaũti*), *āplankà* „vizitas“ (: *apleĩkti*), *ārtmainà* „*artmainas*“ (: *artmainyti*) и др. В латышском языке тоже встречаем *apavi*, *apāvi* „сбуть“ (: *apaut*), *apcere* „die Betrachtung, Reflexion, das Nachdenken“ (: *apcerēt* „über etwas nachdenken, geistig betrachten“) и др. Встречаются они и в прусском языке, ср. вин. пад. ед. ч. *epkieckan* „Laster“ = *epkeickan* (ср. лит. *kėikti*).

Реже в литовском языке употребляются образования со следующими приставочными элементами: а) *apĩ-*, ср. *apikula* „*perangus žmogus*“ (: *apikulti*), *apimaina* „*artmainas*“ (: *artmainyti*), *apitvaras* „*aptverimas*“ (: *aptverti*), *apivadas* „*apvedimas*“ (: *apvesti*), *apivara* (: *apverti*), *apigamas* „*argamas*“ (: *apgimti*) и т. д.; б) *apỹ-*, ср. *apỹkula* „*perangus žmogus*“ (: *apỹkulti*), *apỹlaida* „*apsileidimas*“ (: *apỹleisti*), *apỹlanka* „*praleista vieta*“ (: *apleĩkti*), *apỹlasa* „*atranka*“ (ср. лат. *lasīt* „*rinkti*“), *apỹpena* „вредная еда“ (: *apĩpenėti*), *apỹšala* „*lijur dra*“ (: *apšalti*) и т. д.; в) *apie-*, ср. *apie linkė* „окрестность“ (: *apleĩkti*), наречие *apie dairiai* (*apsidairyti*), а также редкие отыменные образования — *apiegardis* „окрестность“ (: *gaĩdas*), *apie tamsa* „*apytamsa*“

(: *tamsà*). Ни в латышском, ни в прусском языках образования с *apì-*, *apý-* или *apie-* не существуют.

По-видимому, здесь имеются пласты образований различного хронологического порядка. Образования с приставочным элементом *ap-* представляют самый поздний тип, который в литовском языке является продуктивным и в настоящее время, тогда как остальные типы (приставочные элементы *apì-*, *apý-*, *apie-*) являются более ранними; не случайно они теперь нередко включают слова с отдаленным значением от соответствующих приставочных глаголов с приставкой *ap-*. Развитие индивидуального значения, оторвавшегося от значения соответствующих глаголов, нередко способствовало сохранению данных образований. Не случайным является варьирование приставочного элемента в зависимости от говора, ср. *āpsėdai*, *apisėdai*, *apýsėdai*; *āptvaras*, *apitvaras* и *apýtvaras*; *apivara* и *apývara*; *āpjuoka*, *apijuoka* и *apýjuoka*; *apikula* и *apýkula*, *apýlinkė* и *apielinkė* и т. д. (ср. ещё отыменные образования *apýkietis* и *apkietyš*, *apýkurtis* и *apkurtýš*, *apýjuodis* и *apjuodýš*, *apýtamsis* и *aptamsýš* и др.). Оно указывает на то, что в тех случаях, когда значение отглагольного образования является близким к значению приставочного глагола, образования с приставочными элементами *apie-*, *apý-* уступают место образованиям с приставочными элементами *ap-*, *apì-*, своей формой непосредственно связанными с соответствующими приставочными глаголами с приставкой *ap-*. Данный процесс в латышском языке, по-видимому, привел к бесследному исчезновению более ранних типов образования. Возможно, это случилось и в прусском языке, однако скудность сохранившегося материала не позволяет делать определенных выводов.

Имея в виду вышесказанное, а также соотношение формы приставочного элемента с глагольной приставкой и с предлогом *apie*, рассмотренные типы образований нетрудно расположить в хронологическом порядке в следующем виде: самый древний тип представляют образования с *apie-* (на это указывает и их реликтовый характер в полном смысле этого слова), второй слой по древности представляет тип с *apý-*, третий — с *apì-* и четвертый, самый продуктивный, — с *ap-*.

Образования первого, второго и третьего типов, как правило, относятся к неподвижной акцентной парадигме, а образования четвертого типа могут относиться как к неподвижной, так и к подвижной парадигме, причем для последних более характерна подвижность. Интересно отметить, что колебание образований последнего типа между неподвижностью и подвижностью зависит от говора или встречается в одном и том же

говоре, ср. *āpauga* (1) и *apaugà* (3^b), *āplanka* (1) и *aplankà* (3^b), *āpavas* (1) и *āpavas, -aī* (3^b), *āpmauda* (1) и *apmaudà* (3^b) и т. д.

11. Образования от глаголов, имеющих приставку *at-, ati-, (ata-)*. Самым продуктивным типом данных образований является тип с приставочным элементом *at-*, соответствующим глагольной приставке *at-*, ср. *ātkratai, atkrataī, ātkrytis, atkritỹs* „atkritimas, ligos pasikartojimas“ (: *atkrīsti*); *ātlaida, ātlaidis* „atlydys, atodrėkis“ (: *atléisti*), *ātlyga* „atlyginimas“ (: *atlyginti*), *ātmaina* „permaina, pakaita“ (: *atmainyti*), *ātmata, atmata* „kas atmetama, liekana“ (: *atmėsti*), *ātmėtis, atmėtỹs* „šalčio palengvėjimas“ (: *at/si/mėsti*) и т. д. Широко развит данный тип образований в латышском языке, ср. *atāudi* „ataudai“ (: *atāust*), *atāudze, atāuga* „atauga“ (: *ataudzēt, ataugt*), *atbilde, atbilda* „die Antwort“ (: *atbildēt*), *atdevas, atdūoša* „die Wiedergabe, die Abgabe“ (: *atdūot*), *atsēja* „atsēja, atsėjimas, Wiedersaat“ (: *atsēt*) и др. Скудность прусского материала не позволяет высказаться о продуктивности этих образований в прусском языке. В литовском языке данные образования могут иметь еще следующие приставочные элементы: а) *:ati-*: *atidà* „atidumas“ (: *atidėti*), *atidanga* „atidengimas“ (: *atideñgti*), *atidėka* „atsidėkojimas“ (: *atidėkoti*), *atidrėkis* „atidrėkimas“ (: *atidrėkti*), *atidūsis* „atsidusimas“ (: *atsidūsti*), *atitvaras* „atitvėrimas“ (: *atitvėrti*), *atitrūka* „atitrūkusi dalis“ (: *atitrūkti*); б) *atý-*: *atýda* „atida“ (: *atidėti*) в) *ata-*: *atābrada, atābradas, atābrida* „sekluma“ (: *atbristi*); *atābraizgos, atābrizgos* „kas atbrizgė“ (: *atbrizgti*), *atādrėkis* „atšilimas“ (: *atidrėkti*), *atādūsis* „atsidusimas“ (: *atsidūsti*); *atākarpa* „atkarpa“ (: *atkiřpti*), *atākratas* „atkritimas“ (: *atkrīsti*), *atālauža* „atlauža“ (: *atláužti*), *atālankos* „atlankymas“ (: *atlankyti*); г) *ató-*: *atóbrada* „kietas brastos dugnas“ (: *atbristi*), *atódaira* „atsidėjimas, apsižiūrėjimas, tvarkingumas“ (: **atadairytis?*), *atódrėgis, atódrėkis* „atidrėkimas“ (: *atidrėkti*); *atódūsis* „atsidusimas“ (: *atsidūsti*), *atógydis* „gaidžio balsas“ (: *atgiedoti*); *atólaidis, atólydis* „atidrėkimas“ (: *atléisti*), *atomaina* „atmaina“ (: *atmainyti*), *atómėtis* „oro pasikeitimas“ (: *at(si)mėsti*), *atópūta* „vėjo pagairė“ (: *atpūsti*), *atóskaida* „atskala“ (: *atskáidyti*), *atósūkis* „atsisukimas“ (: *atsūkti*), *atóšylis* „atšilimas“ (: *atšilti*) и т. д. Употребление приставочных элементов *ati-* и *atý-* совершенно совпадает с употреблением глагольной приставки *ati-*: как и глагольная приставка, они обычно находятся только перед глагольным корнем, начинающимся согласными *d* и *t*. Так как соответствующая глагольная приставка *ati-* является более поздним новообразованием, возникшим под влиянием глагольной приставки *api-*, то и образования с приставочными элементами *ati-*, *atý-* возникли по модели образований с *api-* и *apy-*. Таким образом, более древний тип данных образований представляют типы с *ata-* и *ato-*.

Приставочный элемент *ata-* в восточной Литве в настоящее время имеет соответствующую глагольную приставку, ср. *atadioti*, *atanėšti* и т. д. Данная глагольная приставка еще довольно широко употребляется в древних памятниках литовского языка. В латышском языке еще встречается *ata-* в виде приставочного элемента отглагольных или отыменных образований или глагольной приставки, хотя она носит здесь явно реликтовый характер, ср. *atastums* „atstumas“ (= lie. *atstumās*), *atadiene* „eine Kuh, die schon im zweiten Jahre kalbt“, *atalika* = lie. *ataliko* и др.⁶ Глагольная приставка, вполне совпадающая по форме с приставочным элементом *ato-*, в балтийских языках не засвидетельствована. По-видимому, отглагольные образования с приставочным элементом *ato-* являются самым древним пластом рассматриваемых образований. Трудно сказать, являются ли архаизмом или новообразованием в литовском языке образования с приставочным элементом *atuo-*, ср. *atuoлика* „likutis, liekana“ (: *atlikti*), *atuo-daugis*⁷ „atžala, barzdos plaukai“ (: *ataugti*).

Интерес представляет варьирование вышеуказанных приставочных элементов в зависимости от говора (или даже в одном и том же говоре), ср. *atodrėkis*, *atādrėkis* и *atidrėkis*; *atolaidis* и *atlaidys*; [*atómėtis*, *atāmėtis* и *ātmėtis*, *atmetys*; *atobrada*, *atābradas* и *ātbradas*; *atodūsis*, *atādūsis*, *atidūsis* и *ātdūsis*, *atdūsys* и т. д. Оно указывает на усилия сблизить форму данных образований с соответствующими приставочными глаголами. Данный процесс в литовском языке привел к преобладанию образований с приставочным элементом *at-*, а образования с *ató-* сохранились чаще всего в тех случаях, когда они ввиду семантической специализации оторвались от соответствующих приставочных глаголов. В латышском языке он привел к окончательному преобладанию образований с *at-* и почти окончательному исчезновению образований с другими приставочными элементами. Сделать определенные выводы о данных образованиях в прусском языке не позволяет скудность материала.

Самый древний пласт данных образований с *ato-* почти всегда относится к неподвижной акцентной парадигме и имеет ударение на приставочном элементе. Нередко к неподвижной парадигме относятся также образования с *ati-* и *ata-*, хотя здесь уже встречается и подвижность ударения. Образования с приставочным элементом *at-* часто имеют подвижное ударение. Интересно отметить, что одно и то же образование может относиться то к неподвижной, то к подвижной парадигме в зависимости от говора или даже одновременно в одном и том же говоре, ср.

⁶ Ср. J. Endzelīns, LVG 645.

⁷ Возможно, что *d* здесь выполняет функции устранителя зияния.

ātkratai (1) и *atkratai* (3^b), *ātkritis* (1) и *atkritys* (3^b), *ātlaida* (1) и *atlaidà* (3^b), *ātlaidis* (1) и *atlaidys* (3^b), *ātlyda* (1) и *atlydà* (3^b), *ātlydis* (1) и *atlydys* (3^b), *ātmaina* (1) и *atmainà* (3^b), *ātmata* (1) и *atmatà* (3^b), *ātmētis* (1) и *atmētys* (3^b).

11. [Образования от глаголов, имеющих приставку *už-* (*užu-*), *až-* (*ažu-*). Образования с приставочным элементом *už-*, соответствующим глагольной приставке *už-*, в литовском языке представляют самый продуктивный тип данных образований, ср. *ūžlaja* „vandens užliejama pieva“ (: *užlieti*), *ūžgaida* „įgeidis“ (: *užsigeisti*), *ūžmarša* „užmiršimas“ (: *užmiřšti*), *ūžtūra* „užsiturėjimas“ (: *užturėti*), *ūžtvanas* „patvinimas“ (: *užtvinti*) и т. д. Распространен данный тип образования и в латышском языке, ср. *uzciena* „die Bewirtung“ (: *uzcienāt* „bewirten“), *uzēdas* „die Nachkost, das Dessert“ (: *uzēst* „etwas geniessen“), *uzgrība* „eigensinniges, kapriziöses Verlangen“ (: *uzgribēt* „verlangen“), *uzkāpe* „die Treppe, die Stufe“ (: *uzkāpt* „užkopti“) и т. д. В прусском языке соответствующие образования не засвидетельствованы⁸.

Данные образования в литовском языке употребляются еще со следующими приставочными элементами: а) *užu-*, *ažu-*, ср. *užukanda* „užkanda“ (: *užukąsti*), *užulaja* „aplieta žemė“ (: *užulieti*), *užumaršas* „užuomarša“ (: *užumiřšti*), *užunaras* „kilpa“ (: *užunėrti*); *ažupilas* „užpylimas“ (: *ažupilti*), *ažumainas* „užvadas“ (: *ažumainyti*) и т. д.; б) *ūž-*, *užū-*: *ūžkalos* (: *užkalti*), *ūžtvara* (: *užtvėrti*), *ūždaras* (: *uždaryti*), *ūžpalas* „išsiliejęs ant ledo vanduo“ (: *užpilti*), *ūžpuolis* „užpuolimas“ (: *užpuolti*); *ažūtėkis*, *ažūtėkis* „užtakis, užtekis“ (: *ažutekėti*), *ažūdaras* „pertvėrimas, aptverta vieta“ (: *ažūdaryti*) и др. (ср. еще отыменные образования *užūmiškės* „vieta už miško“, *užūdaržė* „vieta už daržo“ и др.); в) *užúo-*, *ažúo-*, ср. *užúobėga* „prieglauda“ (: *užbėgti*), *užúodaras* „užtrinalas“ (: *uždaryti*), *užúodanga* „uždengimas“ (: *uždeñgti*), *užúogana* „varsna“ (: *užgiñti*), *užúoglauda* „prieglauda“ (: *užglaūsti*), *užúojauta* (: *užjaūsti*), *užúokaras* „užkorimas, nereikalingas darbas“ (: *užkarti*), *užúolanka* „ėjimas aplink“ (: *užleñkti*), *užúomarša* (: *užmiřšti*), *užúomina* „užminimas“ (: *užmiñti*), *užúosūka* „kelio užsisukimas“ (: *užsukti*), *užúotvara* „užtvėrimas“ (: *užtvėrti*); *ažúogana* „dirvos lysė“ (: *ažugiñti*), *ažúodanga* „uždanga“ (: *ažudeñgti*), *ažúomarša* „užuomarša“ (: *ažumiřšti*) и т. д.

Наряду с приставочным элементом *užu-*, *ažu-* в литовском языке (в говорах) имеются вполне совпадающие по форме глагольная приставка и предлог *užu*, *ažu*; поэтому образования с данным элементом не требуют объяснения. Но вполне совпадающих по форме глагольных приставок

⁸ Не встречается в прусском языке и предлог, вполне соответствующий по форме лит. *už*, лат. *uz*. В значении данного предлога употребляется *unsey*, *unsei*.

и предлогов не имеют приставочные элементы *ūž-*, *užū-*, *ažū-*, *užūo-*, *ažūo-*. Видимо, образования с приставочными элементами *užūo-*, *ažūo-* представляют более древний пласт. В западном ареале латышского языка употребляются образования с приставочным элементом *ūz-* или *ūz*⁹, вполне соответствующим лит. *ūž-*. Интересно отметить, что в латышских говорах встречается и приставочный элемент *āz-* наряду с предлогом *az* или даже предлог *āz*. Я. Эндзелин правильно считает, что *āz-*, *āz* могли возникнуть по модели *ūz : uz*¹⁰. Новый латышский предлог *aiz* „hinter“, соответствующая глагольная приставка и приставочный элемент в отглагольных и отыменных образованиях скорее всего возникли путем контаминации *az* и *iz*¹⁰, ср. лит. жем. *apleī*, возникший путем контаминации *apeī* и *apliñk*. На это указывают некоторые значения предлога и глагольной приставки *aiz-*, соответствующие значению предлога и приставки *iš* в литовском языке, ср. значение отдаления — *aizbrauca = išvažiavo*, *aizlēkt = išlēkti* или каузальное значение, соответствующее тому же значению литовских предлогов *iš* и *už*, ср. *nicīna aiz mazā augumiņa = лит. niekina už mažą ūgį*, но *iš ligos nedirbo*. Ввиду близости значения *az* и *iz* могли дать одну приставку и предлог *aiz*.

Как в других образованиях, так и здесь в литовском языке проходит процесс сближения приставочного элемента данных образований с соответствующей глагольной приставкой. Так в зависимости от говора одни и те же образования могут иметь различные приставочные элементы, ср. *ūžtvāra*, *ūžtvāra*, *užūtvara* и *užūotvara*; *ūždanga*, *užūdanga* и *užūodanga*; *ūžmarša*, *ūžmarša*, *užūmarša* и *užūomarša* и др.

По ударению образования с приставочными элементами *užuo-*, *ažuo-*, *užu-*, *ažu-* почти всегда относятся к неподвижной парадигме. Образования с приставочным элементом *už-* могут относиться как к неподвижной, так и к подвижной парадигмам в зависимости от говора, ср. *ūžtvāra* и *užtvārā*, *ūžtvānka* и *užtvānkā*, *ūžkānda* и *užkāndā*, *ūžlāja* и *užlajā* и т. д.

Рассмотренные выше приставочные элементы отглагольных образований и их соотношения с глагольными приставками и предлогами обращают на себя внимание тем, что интонация по происхождению односложного приставочного элемента в именных образованиях может отличаться от интонации соответствующей глагольной приставки и предлога или совпадать с ней, ср.

⁹ J. Endzelīns, LVG 688.

¹⁰ Ср. там же, 636 и указанную литературу.

приставочный элемент и глагольную приставку или предлог

<i>ĩ-, in-; ĩ-, iĩ-</i>	<i>ĩ-, iĩ-</i>	<i>ĩ, iĩ</i>
<i>peĩ-; pér-</i>	<i>pér-</i>	<i>peĩ < *pér</i>
<i>pó-</i>	<i>pà-</i>	<i>põ</i>
<i>pró-</i>	<i>prà-</i>	<i>prõ</i>
<i>núo-</i>	<i>nù-</i>	<i>niõ</i>
<i>prié-</i>	<i>pri-</i>	<i>priẽ</i>
<i>sá-, sán-, sám-</i>	—	—

Выше было указано, что те случаи, когда интонация приставочного элемента совпадает с интонацией глагольной приставки или предлога, нетрудно объяснить более поздним образованием или влиянием интонации соответствующих глагольных приставок. Действительно, приставочный элемент *sá-, sán-, sám-*, не имеющий теперь формально совпадающей с ним глагольной приставки, всегда имеет только акутированную интонацию, причем, судя по данным прусского языка, соответствующий предлог мог иметь циркумфлекс, ср. прусс. *sēnku* „damit“. Приставочный элемент *peĩ-* имеет циркумфлектированную интонацию (т. е. отличную от интонации глагольной приставки) только в образованиях, оторвавшихся от соответствующих приставочных глаголов. Реконструкция первичной интонации предлога *peĩ* с первого взгляда представляет определенные трудности. В латышском языке данному предлогу и глагольной приставке соответствует *pār, pār*¹¹, указывающие на древность акутированной интонации. В прусском языке в приставочных глаголах имеется приставка *pēr-*, как будто указывающая на древность циркумфлектированной интонации. Однако в прусском языке она употребляется не только в значении литовской приставки *pér-*, но и в значении литовской приставки *paĩ-* или очень близком к нему, ср. *perdauns = pardaveš*, инф. *perēit* „ateiti, zukommen“ и др., а приставка *par-* по сравнению с *per-* встречается здесь очень редко, ср. *pareyse* 13₃ „zukomme“ (*pareiŋgiskai* 75₄ „zukünftiglich“). Возможно, что в диалектах прусского языка имелось положение, сходное с теми говорами литовского языка, где в значении приставок *pér-* и *paĩ-* употребляется одна приставка *par-* и где налицо обобщение одной приставки в значении обеих (ср. предлог *paĩ* в данных литовских говорах вместо предлога *peĩ* других говоров, ср. *pardúoda* „pardúoda“ и *pardúoda* „pérduoda“). Интересно отметить, что в литовских говорах, представляющих очень небольшой ареал, проходящий узкой полосой с

¹¹ J. Endzelīns, LVG 670.

юга на север (Рагува, Рамигала, Паневежис, Карсакишкис, Биржай), глагольная приставка *par-* (вместо *per-*) может иметь ударение на себе и может быть безударной в отличие от приставки *pér-*, которая во всех других говорах литовского языка является только ударной¹². Распределение глаголов с ударной и безударной приставкой *par-* в данной полосе является таким же, как и распределение по ударению приставочных глаголов с другими приставками, ср. *paĩneša* „*pérneša*“ и *àtneša*, *parnèšti* „*pérnèšti*“ и *atnèšti*. В случае ударности приставка *par-* здесь имеет циркумфлектированную интонацию, ср. *paĩneša* „*pérneša*“. По-видимому, тесная связь предлога *paĩ* „*per*“, выражающего те же отношения, что и предлог *peĩ* других говоров и, может быть, восходящего к *per(?)*, и приставки *pér-* привела в указанной полосе к замене *pér-* на *paĩ-* и в связи с циркумфлектированной интонацией приставки *paĩ-* к потере постоянной ударности приставки. Если в диалектах прусского языка приставка *pēr-* действительно была обобщена в значениях приставок *peĩ-* и *paĩ-*, то циркумфлектированную интонацию данной приставки можно объяснить влиянием приставки *paĩ-* (ср. лит. *paĩ-* с циркумфлексом). В таком случае и данные прусского языка не мешали бы реконструировать предлог **pér* с акутированной интонацией, которая в односложном слове в литовском языке закономерно превратилась в циркумфлекс (ср. предлог *peĩ*). Древнюю циркумфлектированную интонацию имел предлог *priē*, ср. лат. *p(r)ie*, прусс. *prēi*; *niō*, ср. лат. *niō*; *ī*, *iñ*, ср. лат. *ie-*.

Следовательно, можно констатировать, что интонация односложных глагольных приставок и предлогов в литовском языке совпадала, тогда как приставочный элемент самого древнего пласта соответствующих отглагольных образований имеет отличающуюся интонацию. Иначе говоря, при образовании имен от приставочных глаголов как вспомогательное средство образования раньше использовалась метатония приставки. Данное явление характерно для латышского языка, ср. приставочные элементы отглагольных образований *piē-* (*priē-*), *iē-* и глагольные приставки *pie-*, *ie-*. Скудность материала не позволяет делать более определенные выводы о прусском языке.

То, что в некоторых случаях, ср. *ni-*, *pa-*, *pra-*, *pri-*, глагольная приставка во многих говорах литовского языка представляет краткий слог, не может влиять на наш вывод, так как в говорах и в древних памятниках литовского некоторые глагольные приставки, как *ni-* и *pri-*,

¹² Исключением являются некоторые говоры, находящиеся в непосредственном соседстве с говорами этой полосы.

могут иметь форму *nuo-* и *prie-*, совпадающую с предлогами *nuo* и *prie*, ср., напр., *nūgręsze* Mž 217₁₇, *nūleme* EE 26₁, *tenūsidūdie* MT 206₅, *nūmirti* EE 25₁₂₋₁₃ и др., *prieaugš* Mž 116₂, *priedūti* EE 55₁₉, *priekele* (= *prikėlė*) MT 242₇, *priepile* (= *pripylė*) Mž 315₂, EE и др. Здесь налицо недавнее сокращение глагольных приставок, в определенных случаях находящихся в проклитическом положении.

Сложнее дело обстоит с двусложными по происхождению приставками. Выше мы установили, что древнейший пласт отглагольных образований представляют образования с приставочными элементами *ató-* (или *atúo-*?), *užúo-*, *ažuó-*; *apie-* (*apý-*), *antā-*. Соответствующими глагольными приставками теперь являются *at-* (*ati-*), *ata-*; *už-*, *užu-*; *až-*, *ažu-*; *ap-*, *api-*; *ánt-*, *añt-*, а предлогами — *at* (в лат. яз.); *už* и *užù*; *až* и *ažù*; *apie* и *apieš*; *ape* и *apeš*; *apei* и *apeiš*; *añt* и *antà*. Имея в виду метатонию в односложном приставочном элементе отглагольных образований, с первого взгляда можно было бы предполагать ее и здесь в двусложном приставочном элементе. В таком случае предлоги должны были бы выглядеть так: **atō*, **užuō* и **ažuō*, **apieš*. Однако, по отношению к приставочному элементу *ánt-* следовало бы предположить предлог **añta*¹³. Ударение глагольной приставки *ata-* в произведениях М. Даукши, ср. *atanešė* DP 48₁₅, 431₅, 487₂₄, *atateisės* DP 417₂₉, *atadengš* 286₃ и др. наряду с *atanešė* 431₅; *atasiuntė* 22₂₀ и др., заставляет нас полагать, что и предлог *ata-* раньше имел ударение на первом слоге. Сохранение в диалектах в предлоге *apei* или *apei* дифтонга *ei* тоже указывает на древнюю неударность второго слога данного предлога. Нелегко говорить о более древнем ударении предлога **užuó*, однако, судя по тому, что он развился в *už* или *užu*, *užù*¹⁴, вряд ли можно считать более древним ударение **užuō*.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если односложные приставки *nuo-* и *prie-* сохранили несокращенные формы в древних памятниках, в современных диалектах литовского языка и в латышском, то двусложные приставки **užuó-* или **ažuó-*, **atā-* (или *atuo-*?) не сохранили реликтов древней формы в приглагольном положении ни в литовском, ни в латышском языках и сохранились только как приставочные элементы именных образований в литовском языке. Данное обстоятельство явно указывает на неодинаковое фонетическое положение второго слога двусложных приставок по сравнению с односложными приставками, а именно на то, что второй долгий слог двусложных приставок раньше находился в неударном положении, тогда как односложные приставки

¹³ Возможно, что он сохранился в говорах, однако LKŽ дает только *antà*.

¹⁴ Ударение *užù* является вторичным.

находились под ударением. Если издавна ударным был бы второй слог двусложных глагольных приставок, то в тех говорах и в тех древних памятниках литовского языка, где сохранились глагольные приставки *nuo-* и *prie-*, следовало бы ожидать и сохранения глагольных приставок **atā-*, **užuo-* или **ažuo-*. Однако этого нет. Таким образом, во всех двусложных предлогах и тем самым в приставках следует предполагать первичное ударение на первом слоге. Данному истолкованию как будто противоречит ударение приставочных элементов отглагольных образований, ср. *ató-*, *atā-*; *apíe-*, *apý-*; *užúo-* и др. Однако, как было показано выше, при образовании имен от приставочных глаголов, имеющих односложные приставки, как одно из средств образования использовалась метатония. Данное средство, по-видимому, использовалось и при образовании новых имен от глаголов с двусложным *praeverbium* в случае долготы первого слога приставки, ср. *ánt-* (*ántkrytis*) и приставку *añt-* < **añta-*. При образовании от глаголов с остальными двусложными приставками ввиду краткости ударного (первого) слога приставки метатония не могла использоваться; зато здесь могло использоваться изменение места ударения приставки, т. е. при образовании имен *praeverbia* **ùžuo-*, **atā-*, **àpei* > приставочный элемент *užúo-*, *atā-*, *apéi-*. Неударное положение второго долгого слога *praeverbium* с течением времени вело к его сокращению, т. е. *praeverbia* **ùžuo-*, **atā-*, **àpē*¹⁵ сократились в **ùžu-*, **ata-*, **àpi-*. Соотношение типа *atā-* (приставочный элемент с долгим вторым слогом) и **ata-* (приставка с кратким вторым слогом) вызывало соответствующее соотношение и других приставочных элементов с приставками. Этим, по-видимому, следует объяснить возникновение приставочных элементов *atý-*, *apý-*, *užú-*, *ažú-*, ср. соответствующие сокращенные приставки *ati-*, *api-*, *užu-*, *ažu*¹⁶.

¹⁵ Превращение *ei* > *ē* в данном *praeverbium*, по-видимому, происходило под влиянием приставочного элемента **apē-* < **apéi-*, где *ei* находился в ударном положении.

¹⁶ По модели данного типа образований могли возникнуть и приставочные элементы *ūž-*, *ýš-*, *sū-*. Возникновению долгого акутированного гласного в односложных приставочных элементах способствовали и соотношения односложных элементов *prie-*, *nuo-* с уже сократившимися глагольными приставками *pri-*, *nu-*. Кажется, что по сходным причинам возник и приставочный элемент *iz-* в латышских говорах. Интересно отметить, что в определенных жемайтских говорах (в доунининкских и в донининкских) новые образования с приставочными элементами *pri-*, *nū-*, *ūž-* и т. д. совсем вытеснили образования с приставочными элементами *prie-*, *nuo-*, *už-* и т. д. На то, что в данных говорах произошел процесс вытеснения древней образовательной модели, указывает еще сохранившаяся в виде реликта форма *priēdas* (*Židikai*). Однако в большинстве говоров употребляется уже *priēdas*.

Выше указывалось, что в балтийских языках происходил и происходит процесс сближения приставочного элемента с глагольной приставкой. Он проявляется в том, что, с одной стороны, приставочный элемент в именах, не потерявших образовательной связи с соответствующими глаголами, часто приобретает форму и интонацию приставки. Как указывают образования с приставочным элементом *sá-*, *sán-*, *sám-*, не имеющие по форме соответствующих глагольных приставок, в случае отсутствия близкой по форме приставки всегда и везде сохранилась древняя интонация приставочного элемента. С другой стороны, отглагольные образования своим приставочным элементом могут влиять на глагольные приставки. На это указывают те жемайтские говоры (доунининкские), где наряду с приставочными элементами *prí-*, *nū-*, *ũž-*, *sū-* находятся глагольные приставки *prĩ-*, *nũ-*, *sũ-*, *ũž-* и даже предлоги *nū*, *prĩ*, *sū*, *ũž*. Особенно легко приставочные элементы *ató-*, *užúo-*, *ažúo-* и др. могли влиять на место ударения в соответствующих глагольных приставках, так что **àta-*, **ũžu-*, **àpi-* могли развиваться в *atà-*, *užù-*, *apì*¹⁷. Возможно, что данный процесс и отражает колеблющееся ударение приставки *ata-* в „Постилле“ Даукши.

Что данный процесс является довольно поздним, указывает и то, что во многих говорах **àta-*, **ũžu-*, **àpi-*, **aĩta-* успели развиваться в *at-*, *už-*, *ap-*, *ant-* и что только в тех случаях, когда возникало противоречащее нормам литовского языка сочетание согласных, сохранилась более древняя приставка *api-* (перед согласными *p* и *b*, ср. *apibėgti* и *apipilti*). Она вызвала, по-видимому, и приставку *ati-* перед глагольным корнем, начинающимся согласным *t* и *d*, ср. *atidavė*, *atitrukė*. И только в восточной Литве процесс перехода ударения на последний слог приставки прошел перед полным сокращением приставки, ср. приставки в этих говорах *atà-*, *užù-*, *apì*. Передвижение акцента на второй слог приставки или возникновение его на последнем слоге перед глагольным корнем из-за сокращения двусложной приставки в односложную означало передвижение акцента на последний слог перед глагольным корнем вообще. В силу этого акцент получила возвратная частица, следовавшая перед глагольным корнем: **pàsièmė* > *pasièmė*. Что данная частица раньше не имела ударения на себе, показывает ударение приставочных возвратных глаголов с приставкой *pér-*, ср. *pėrsièmė*. На это, по-видимому, указывает и то, что в

¹⁷ Данное передвижение ударения с первого слога приставки на второй объясняется тем, что после сокращения *praeverbium* (**atā-* > **àta-* и т. д.) изменение места ударения приставки при образовании имен стало явно избыточным, так как приставочный элемент от приставки стал отличаться и долготой второго слога.

восточной Литве в определенных случаях произошло сокращение возвратной частицы, ср. *pàsémė*, *nūsvežė* и т. д. Такая синкопа *i* могла произойти только в случае неударности возвратной частицы *si*. В тех случаях, когда грозила опасность слияния *s* с корнем, [а именно перед глагольным корнем, начинающимся согласными *s*, *š*, *z*, *ž*, данная частица в восточных говорах не сократилась, она также получила акцент, ср. *nusisukė*, *nusišveitė* и др. Как видно, причины, приведшие к появлению ударения на последнем слоге перед глагольным корнем в литовском языке, довольно ясны.

Необходимо отметить, что развитие глагольных приставок указывает на определенную замкнутость данной микросистемы. Так, во многих говорах приставки *nuo-* и *prie-*, *apie-* развивались независимо от соответствующих предлогов *nuo*, *prie* и *apie*. В приглагольном положении *nuo-*, *prie-*, *apie-* > *nu-*, *pri-*, *ap(i)-*, несмотря на то, что соответствующие предлоги сохранили более длинную форму, ср. *nuo* или *no*, *prie* или *prė*, *apie*, *apei* или *apė*. Приставка *pér-* в абсолютном большинстве говоров сохранила акутированную интонацию, тогда как соответствующий предлог *peĩ* во всех говорах приобрел циркумфлекс. С другой стороны, данная микросистема является открытой для влияния микросистемы предлогов. Так, в некоторых случаях развитие глагольных приставок и соответствующих предлогов было одинаковым, ср. *už-* и *už*, *uži-* и *uži*. Близость значения глагольных приставок со значением соответствующих предлогов и в определенных случаях одинаковость формы связывало и связывает микросистему глагольных приставок с микросистемой предлогов. Так, например, в вышеупомянутом небольшом ареале литовского языка глагольная приставка *pér-* была заменена на *paĩ-* под влиянием предлога *paĩ*. Поэтому при исследовании развития глагольных приставок нельзя пренебрегать влиянием соответствующих предлогов. В данном развитии перекрещивались две тенденции: тенденция к определенной замкнутости микросистемы глагольных приставок и тенденция к связи с соответствующими предлогами. На тенденцию определенной замкнутости указывает и то, что приставка *ati-* вместо *ata-* перед глагольным корнем, начинающимся *d* или *t*, сформировалась под влиянием *api-*.

Сокращение глагольных приставок не обязательно предполагает отдельное употребление приставок от глаголов, так как данное сокращение могло произойти и после срастания *praeverbium* с глаголами. На то, что сокращение приставок могло произойти и после срастания *praeverbium* с глаголом в одно слово, указывает судьба приставок *prie-* и *nuo-*. Ведь не может быть сомнения в том, что в тех древних памятниках литовского

языка, где *promiscue* употребляются приставки *nuo-*, *prie-* и *nu-*, *pri-*, сокращение данных приставок проходило уже после срастания приставки с глаголом. С другой стороны, довольно позднее сокращение приставок *nuo-* и *prie-* указывает на то, что в определенных случаях в проклитическом положении они оказались позже. Если бы данные приставки находились издавна в определенных случаях в проклитическом положении, то сохранение их в несокращенном виде при сокращении неударной части двусложных приставок было бы трудно себе представить. По-видимому, данные приставки раньше находились всегда в ударном положении, и неударность их в определенных случаях развилась позже.

Обращает на себя внимание также то, что все отглагольные образования более раннего периода с приставочными элементами *apie-*, *apy-*; *ató-*; *ažúo-*, *ažú-*; *užúo-*, *užú-*; *peř-*, *prie-*, *niúo-*, *ró-*, *pró-*, *í-* имеют ударение на приставочном элементе, независимо от того, относятся ли они к неподвижной или к подвижной акцентной парадигме, причем возможно, что подвижность ударения развилась позже. На это как будто указывает колебание между неподвижностью и подвижностью ударения одних и тех же образований в зависимости от говора или одновременно в одном и том же говоре. Подавляющее большинство более поздних отглагольных образований с приставочными элементами *at-*, *už-* и т. д. также имеет ударение на приставочном элементе. И только часть из последних может иметь ударение на глагольном корне, ср. *apčiiúora*, *apgāmas*, *apskálba* и *apskélba*, *apsēda*, *apsóda*, *apsódai*, *prarēžas*, *pražvālgai*, *prasūkas*, *prarēža*, *palūkos*, *paskálba*, *patimpa*, *pagálba*, *pamáiva*, *pagieža*, *pavýdas*, *pabálda*, *pabáisa*, *padánga*, *padáuža*, *pagýras*, *prisūkas*, *išdáiga*, *išgélba*, „išeitis“, *išdriekas*, *atadūras*, *atláida* и др. Все отглагольные образования данного типа, составляющие по сравнению с имеющими акцент на приставочном элементе ничтожную долю, являются более поздними. На новообразовательный характер указывает форма приставочного элемента.

Исследование отглагольных имен подводит нас к выводу, что должен был существовать этап в истории балтийских языков, когда глагол в употреблении с *praeverbium* находился в энклитическом положении. Только на этом этапе могла сформироваться словообразовательная модель отглагольных имен, самой характерной чертой которой являлось ударение приставочного элемента со сменой интонации односложной приставки или изменением места ударения двусложной приставки. На былое энклитическое положение глагола с *praeverbium* указывает также реликтовое ударение глагольных форм типа *pasimiegoti* (= *pasimiegóti*), *isīnorēti* (= *isīnorēti*), *isīmylēti* (= *isīmylēti*), *apsivežēti* (= *apsivežēti*) (Kretinga) и др.,

которые мы встречаем в говорах литовского языка, однако рассмотрение их выходит уже за рамки данной статьи.

По-видимому, не случайным является то, что приставка *per-*, представляющая собой акутированный слог, всегда сохраняет ударение, ср. *pérbėgti* (: *bėgti*), *péreiti* (: *eiti*) и т. д. Все остальные приставки, представляющие собой по происхождению циркумфлектированный или краткий слог (ср. *ni-* < *niō-*, *pri-* < *priē-*, *pa-* < **pā-* или **pà-*, *pra-* < **prā-* или **prà-*, *iš-* < **iž-*) или в результате сокращения двусложной приставки развившиеся в односложную, которая представляет собой тоже краткий слог (ср. *ap-* < **apei*, *at-* < **atā-* или **atō-(?)*, *až-* < **ažuo-*, *už-* < **užuo-*), могут иметь ударение на себе и могут находиться в проклитическом положении. Однако в тех случаях, когда за ними следует глагол с акутированным корнем, они всегда теряют ударение, оказываясь в проклитическом положении. Все это указывает на то, что причиной разложения прежней единой системы ударения глаголов с *praeverbium* в литовском языке является закон Фортунатова—де-Соссюра.

Ударение глаголов в употреблении с *praeverbium* в балтийских языках, устанавливаемое посредством внутренней реконструкции, соответствует ударению тех же глаголов в древнеиндийском и греческом языках¹⁸. Как в последних, так и в балтийских языках глагол, употребляемый с *praeverbium*, мог находиться в энклитическом положении. Перенесение ударения в двусложных приставках с первого на второй слог, т. е. на последний слог перед глагольным корнем, в балтийских языках представляет собой вторичное явление. Вряд ли можно полагать, что положение в балтийских языках отличается от положения в древнеиндийском и греческом тем, что в балтийских языках срастание глагола с *praeverbium* привело к проклизе приставки, так как проклиза приставки здесь тоже представляет собой вторичное явление. По-видимому, вторичной проклиза приставки является и в славянских языках. Отличительную черту балтийских языков от древнеиндийского в данном случае составляет то, что в балтийских языках глагол (с *praeverbium*) находился в энклизе всегда, независимо от его положения в предложении, тогда как в древнеиндийском существовала известная акцентная оппозиция между глаголом в главном и глаголом в придаточном предложении.

¹⁸ См. J. Kuryłowicz, *Les formes verbales composées du Rigvéda*, BPTJ V (1936), 39—46, его же: *L'accentuation des langues indoeuropéennes*, Wrocław-Kraków, 1958, 93 и след., 151 и след.; его же: *Akcentuacja czasownika złożonego*, „*Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Spławinski*“, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963.

Выдвинутое Ф. де-Соссюром¹⁹ и ставшее почти аксиомой в балтийском языкознании предположение о том, что якобы приставочные глаголы литовского языка с ударением на приставке отражают древнюю окситонезу, вряд ли соответствует действительности.

BALTŲ KALBŲ PRIEŠDĒLINIŲ VEIKSMAŽODŽIŲ VEDINIAI IR JŲ REIKŠMĖ VEIKSMAŽODŽIO KIRČIO REKONSTRUKCIJAI

Reziümė

Lietuvių, latvių ir prūsų kalbose daiktavardžiai ar būdvardžiai gali būti daromi iš veiksmažodžių (daugiausia priešdėlinių) su priesagomis, identiškomis vardininko galūnei. Remdamasis šių vedinių priešdėlinio elemento formaliu santykiu su veiksmažodžio priešdėliu, autorius mano, kad seniausiam darybos tipui atstovauja tie vediniai, kurie kirčiuoja priešdėlinį elementą ir pastarasis nuo atitinkamo veiksmažodžio priešdėlio skiriasi priegaide, plg., pavyzdžiui, *peřkasas* ir *pėrkasti*. Vadinasi, pirminiam šių vedinių darybos modeliui buvo būdinga pagalbinė priemonė – priešdėlio metatonija. Kai metatonija dėl to, kad kirčiuotas dviskiemenio priešdėlio skiemuo buvo trumpas, negalėjo būti panaudota, kaip pagalbinė darybos priemonė buvo naudojama priešdėlio kirčio vietos kaita, plg. *atšylis* ir **atāšilti* „atšilti“. Kad anksčiau buvę dviskiemeniai veiksmažodžių priešdėliai kirčiavo pirmąjį skiemenį, rodo M. Daukšos *ata-* ir kai kurių priešdėlių formalios ypatybės, be to, ankstyvas antrojo skiemens trumpėjimas ir nykimas. Jeigu vienskiemenių priešdėlių *nu-* ir *pri-* senesnė forma *nuo-* ir *prie-* dar vartojama lietuvių kalbos tarmėse, senuosiuose raštuose ir latvių kalboje, tai veiksmažodžių dviskiemenių priešdėlių senosios formos (**atā-*, **užuo-* ir kt.) niekur nėra užfiksuotos.

Toks šių vedinių darybos modelis su priešdėlio priegaidės ar kirčio vietos kaita galėjo rasti tik tuo atveju, jeigu seniau praeverbium (veiksmažodžio priešdėlis) visada turėjo kirtį, o pats veiksmažodis buvo enklitinėje padėtyje. Kad taip galėjo būti, rodo dar ir tai, kad veiksmažodžiai su priešdėliu *pėr-* (vieninteliu priešdėliu, iš seno turėjusiu akūtinę priegaidę) visada kirčiuoja priešdėlį, o veiksmažodžiai su kitais priešdėliais, turėjusiais cirkumfleksinę ar neturėjusiais jokios priegaidės (dėl kirčiuoto trumpo skiemens), kirčiuoja ir priešdėlį, ir veiksmažodžio šaknį ar kamieną, bet jeigu veiksmažodžio šaknis akūtinė – tiktai veiksmažodžio šaknį (jokiu būdu ne priešdėlį). Matyt, ankstesnės vieningos priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimo sistemos suirimo priežastis buvo Fortunatovo–de-Sosiūro dėsnis. Autoriaus rekonstruojamas priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas atitinka jų kirčiavimą sen. indų ir graikų kalbose. Tik sen. indų kalboje egzistavo tam tikra veiksmažodžio kirčio pagrindiniame ir šalutiniame sakinėje opozicija.

¹⁹ См. F. de Saussure, Accentuation lituanienne, IF (Anzeiger) VI (1896), 159 и след.